

С Т А Т Ь И

© 1991 г., СЭ, № 3

С. В. Соколовский

К КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ГОРОДСКОГО ДЕМА

Специалисты в области прикладной гносеологии выделяют в эволюции научного понятия несколько основных этапов. К ним относятся становление эмпирического смысла понятия, формирование теоретического конструкта из нечеткой содержательной идеи (этап концептуализации), установление логических связей с другими понятиями данной теоретической системы, наконец, формальное определение понятия в дедуктивном представлении теории¹. Если в рамках этой теоретической схемы рассматривать понятие «дем», то мы обнаружим, что оно находится в той части своей «траектории развития», которая выше обозначена как этап концептуализации. Учитывая, что данное понятие использовалось для обозначения внутривидовых группировок с начала XX в.², темп его эволюции нельзя признать высоким. Причины столь медленной эволюции следует усматривать в свертывании в конце 1920-х — начале 1930-х годов популяционно-генетических и краеведческих исследований, в рамках которых десятки лет спустя начались исследования микроэволюционных процессов, с одной стороны, и города как особого типа среды — с другой, способствующие возникновению интереса к исследованиям демонов.

Отличительная черта нынешнего этапа развития в исследованиях этого особого уровня в иерархии человеческих сообществ — их выраженный междисциплинарный характер. Демами сегодня интересуются не только антропологи и антропогенетики, но и демографы, социологи, этнографы. Решающее обстоятельство, обусловившее подобный интерес, — это, на наш взгляд, проникновение популяционного мышления во все перечисленные дисциплины. Действительно, многие современные доминирующие стили научного мышления (системный, экологический, вероятностный) связаны сложными отношениями взаимозависимости с популяционным подходом, в значительной мере обеспечившим развитие многих биологических дисциплин.

Теоретически перед исследователями открываются несколько путей построения реалистичной модели поведения такого сложного объекта, как население региона или города. Современная ситуация (не существует ни необходимой для управления таким объектом сети достаточно мощных вычислительных центров, ни отлаженной системы сбора демографической информации) вынуждает практиков использовать метод проб и ошибок. Однако ошибки при реализации той или иной системы мер в рамках региональной демографической политики оказываются, во-первых, слишком дорогими, а во-вторых, из-за слабой обратной связи и отсутствия эталонной модели об этих просчетах становится известно слишком поздно.

Второй путь, связанный с надеждами на внедрение необходимых вычислительных мощностей по сбору и обработке информации, несомненно приведет к успеху, однако требует времени.

Наконец, еще один путь, позволяющий надеяться на успешное построение эталонной модели, связан с развитием микродемографических методов, т. е. с выделением и исследованием неких элементарных и однородных единиц в демографической структуре, общностей фундаментального уровня, в границах которых и происходит реально воспроизводство населения. Изучение закономерностей демографического воспроизводства на этом уровне не связано с обра-

боткой больших массивов информации и вместе с тем позволяет разрабатывать микромоделли, из совокупности которых, как из «кирпичиков», затем строится обобщающая модель воспроизводства населения на уровне города, региона и т. д. Для более подробной характеристики этого подхода необходимо познакомиться с некоторыми проблемами, встающими перед микродемографией.

Мозаичность регионов в отношении пространственного распределения многих демографических характеристик, выявляемая в социальной географии, этнодемографии и антропологии, свидетельствует об известной искусственности границ региона, что превращает его в крайне неудобный объект для управления — ведь управляемый объект должен быть целостным и однородным в отношении тех качеств и свойств, которыми мы хотели бы управлять. Попытки снять эту проблему простым дроблением региона на демографически однородные территории наталкиваются на заложенные в математическом аппарате «большой демографии» ограничения, налагаемые на численность изучаемых групп населения. Именно поэтому микродемографический подход (с его поиском естественных границ объектов с потенциально управляемыми демографическими параметрами) ориентирован прежде всего на использование методов популяционной генетики, антропологии и экологии человека, т. е. тех наук, математические методы которых адаптированы к анализу объектов малой численности.

В теоретической биологии элементарной единицей эволюции считается популяция. Поскольку популяция по определению является целостной системой³, а ее независимость обеспечивается различными механизмами изоляции генофонда от других популяций, то, очевидно, необходимо именно популяцию считать элементарной единицей процесса воспроизводства. Экспликация входящих в данное определение понятий приводит к обнаружению его ретроспективного характера: популяцией можно назвать лишь ту группу особей, которая самостоятельно существовала на протяжении эволюционно длительного времени, имела свою эволюционную судьбу. Иными словами, если представить всю траекторию существования популяции — от ее возникновения до исчезновения (распада, вымирания и т. д.), то исследователь вправе определить ранг этой совокупности особей как «популяцию» лишь где-то во второй половине траектории. Однако если не ориентироваться на универсальное определение популяции, а попытаться выработать более узкое, пригодное лишь для человеческих сообществ, то обнаруживается, что в практике антропогенетических и антропологических исследований разработан комплекс процедур, позволяющий с определенной вероятностью классифицировать группировки людей на соответствующие и не соответствующие понятию «популяция», причем эти процедуры вскрывают актуальную подразделенность (структуру) популяции. Указанные процедуры сформировались как приемы анализа брачности, брачной миграции и принадлежат, таким образом, целиком такой сфере научных исследований, как изучение брачной структуры.

В рамках этого направления наблюдается весьма интенсивное обогащение теории за счет широкого обобщения практического опыта, которое может привести к созданию виртуального определения⁴ популяции. Особенно удачным шагом нам представляется эвристичное отождествление круга брачных связей с демом, проведенное известным советским антропологом В. В. Бунаком⁵. От популяции, как она понимается в теоретической биологии и генетике, дем отличается наличием более эластичных изолирующих барьеров (за счет их повышенной сравнительно с популяционными барьерами проницаемости) и, следовательно, меньшей временной устойчивостью. Как правило, дем существует от одного-двух до нескольких десятков поколений. Данные исследований брачной структуры обнаруживают, что междемные барьеры способны менять свою конфигурацию под действием различных социоэкономических факторов, что свидетельствует о потенциальной управляемости демов⁶. Поскольку дем, как и популяция, — самовоспроизводящаяся общность с единым генофондом,

т. е. характеризуется известной степенью целостности, он может быть включен в число объектов демографического исследования. Дефиниция дема как элементарной самовоспроизводящейся общности позволяет рассматривать этот уровень в популяционной иерархии как фундаментальный, а сам дем — в качестве фундаментальной структурной единицы процесса воспроизводства.

Если включение дема в ряд объектов, которыми традиционно занимаются демографы (индивид, семья, население города, региона, этническая группа и др.), выглядит естественным, то введение его в число объектов управления сталкивается с рядом трудностей, главная из которых — проблема определения границ дема. Дело в том, что границы круга брачных связей не всегда очевидны, хотя в ряде случаев, достаточно полно исследованных генетиками, они могут быть даны в наблюдении. Примерами объектов с очевидными границами являются так называемые изоляты — человеческие сообщества, все члены которых заключают браки на протяжении ряда поколений исключительно между собой. К такого рода группам относятся, например, некоторые исландские и казахские поселения, а также островные популяции в бассейнах Атлантического Тихого и Индийского океанов. Кроме географических изолятов существуют изоляты конфессиональные; как правило, это группы поселений в инонациональной среде, брачная изоляция которых обусловлена запретом на браки с иноверцами (у нас в стране до недавнего времени такими группами были старообрядческие поселения в Сибири, меннониты, молокане, духоборы и др., а в США — гуттеры, амиши, меннониты, мормоны). Можно привести примеры, когда в основе изолирующего барьера лежат иные факторы — этнические, лингвистические и социокультурные. Например, в исследованиях так называемого этнического пограничья установлено, что для характеристики групп пришлого инонационального населения (ситуация «этнического острова») весьма типична установка на внутригрупповые браки и закрытость для инноваций⁷. Иногда, особенно на первых этапах существования групп пришлого населения, эндогамия обусловлена лингвистическими (языковой барьер) и социокультурными различиями. В некоторых случаях изоляция поддерживается сложным комплексом взаимодействующих правовых, социально-политических, этических и религиозных норм, дифференцирующих население на ряд социальных групп: классический пример — индийская сословно-кастовая система. Во всех перечисленных случаях исследователь имеет дело с локализованной группой, обладающей четкими границами брачного круга.

В иной ситуации он оказывается при изучении брачной подразделенности в крупных группах однонационального населения, где отсутствуют сколько-нибудь значительные физико-географические, конфессиональные и иные барьеры, как, например, при рассмотрении массивов однонационального сельского населения. Здесь границы демов неочевидны и выявляются с помощью ряда процедур в ходе анализа брачной миграции⁸. Однако и в этом случае обнаруживается, что демы пространственно компактны и, как правило, охватывают группу из трех-пяти смежных сел, около 80% уроженцев которых вступают во внутриместные (изолакальные) браки.

Принципиально иная ситуация при рассмотрении городского населения. Анализ его брачной миграции не в силах выявить границы брачного круга из-за огромной сравнительно с селом доли мигрантов, представляющих не только население хинтерланда, но и экономического региона в целом, а зачастую также население других регионов. Результатом этого является неустойчивый флуктуирующий характер брачного ареала городского населения, фиксируемого в терминах мест рождения супругов. Достаточно типична следующая картина: доля местных уроженцев составляет 20%, причем доля унилокальных браков (т. е. браков между уроженцами этого города) едва достигает 5—10%; все остальные браки заключаются либо между мигрантами и местным населением, либо между мигрантами, т. е. относятся к классу дислокальных.

«Внеареальность», «дислокальность» городских брачных структур — глав-

ное препятствие для развития демографических, популяционно-генетических и антропологических исследований городского населения, так как здесь неясны популяционные границы и, следовательно, объем популяции, а при отсутствии этой информации методы перечисленных наук корректно использоваться не могут. Предложенные генетиками и экологами паллиативные модели «панмиксной» и «проточной» городских популяций огрубляют реальную ситуацию столь существенно, что их использование на практике не приносит ощутимых результатов. Таким образом, можно констатировать, что в исследованиях брачных структур городского населения до сих пор отсутствует адекватная концептуальная модель, позволяющая описывать реальную структуру городских популяций.

Поскольку использование этих моделей мы рассматриваем как фактор, тормозящий исследования популяционных структур в городах, назовем хотя бы некоторые их существенные характеристики. По поводу модели «проточной популяции» следует сказать, что она в популяционно-генетических исследованиях не используется, а встречается лишь в экологических, медико-географических и демографических работах, где ее применение носит характер метафоры, уподобляющей население молодых городов постоянно обновляющемуся «поток». Она упомянута здесь лишь потому, что, на наш взгляд, ее содержание совпадает с моделью так называемой «глобальной панмиксии», так как постоянно обновляющийся поток мигрантов в рамках данной модели ассоциируется с глобальной бесконечной и бесструктурной (неподразделенной) популяцией — известной исходной абстракцией в математической генетике.

В отличие от модели «проточной популяции» «панмиксная модель» предполагает не глобальную, а локальную панмиксию, т. е. постулирует равновероятное скрещивание, или случайное образование родительских пар в границах рассматриваемой совокупности.

Утверждение о случайности брачного выбора находится в очевидном противоречии с реальными процессами образования брачных пар в городах. В «панмиксной модели» игнорируются не только реальная половозрастная структура населения города, существенно влияющая на подбор брачных пар, но и такие факторы, как всевозможные социальные барьеры, приводящие к известной степени брачной изоляции различных групп городского населения — расовый и этнический, конфессиональный, психологический и др.

Поиск характеристик, которые могли бы использоваться для построения новой модели, следует начать с рассмотрения результатов исследования городской среды, населения и процесса урбанизации. Спектр дисциплин, изучающих данные объекты, весьма широк, и при отсутствии сформированной синтетической дисциплины нам придется обратиться к частным наукам и их результатам с тем, чтобы, суммировав накопленную в них информацию о подразделенности городских популяций (главным образом о брачной подразделенности), попытаться построить модель, не противоречащую в своих обобщениях и посылках реально наблюдаемым структурам. Наиболее важными результатами и сведениями для нашей темы располагают следующие области исследований: городская социология и этносоциология (исследования городского образа жизни, социальной мобильности, социальной детерминации брачного выбора), экология и география города (город как особый тип среды; влияние различных типов пространства на поведение человека; типология городов), этнография города и социальная психология (исследования общностей референции, социальной иерархии, этнической гетерогенности городского населения, механизмов этнокультурного воспроизводства), социолингвистика (исследования социолектов, ареальные исследования, семейный анализ) и, наконец, делающие первые шаги городская антропология и генетика городского населения, в которых исследования популяционной структуры входят непосредственно в предмет изучения. Коль скоро обзор результатов, полученных в исследованиях перечисленных областей, касается строго определенной темы —

подразделенности городской популяции, возникающей в результате совокупности брачных предпочтений, то, несмотря на внушительный список подлежащих обзору дисциплин, сам обзор не обещает быть громоздким.

Интуитивно понимаемая подразделенность городской популяции, трудно выявляемая в рамках традиционного подхода в антропогенетике, достаточно очевидным образом обнаружилась в социологических исследованиях городских брачных структур, главным образом в исследованиях социальной мобильности (внутри- и межпоколенной) и образа жизни различных социальных групп в городах. Большой удельный вес в исследованиях этих двух направлений занимали проблемы выявления механизмов и структуры трансмиссии совокупности характеристик, формирующих образ жизни той или иной социальной группы, а также проблемы воспроизводства социальных групп. Решение этих проблем в свою очередь требовало от исследователей знания закономерностей процесса социализации и, следовательно, обращения к комплексу проблем, связанных с изучением такого важнейшего канала социализации и трансмиссии культуры, как семья. Таким образом, в сферу интересов социологов вошли закономерности формирования семей, причем в исследованиях воспроизводства социальных групп особое внимание уделялось изучению межпоколенной социальной мобильности, которая связывалась не только с выбором профессии у молодежи в разных социальных группах, но и с закономерностями формирования брачных пар в связи с их собственной социально-профессиональной принадлежностью, а также профессиями и уровнем дохода или уровнем образования их родителей. В теории социальной стратификации сформировалось представление о современном урбанизированном обществе как координированной системе дифференцированных групп, каждая из которых представляет собой коллективное единство с общими интересами и целями, сходным образом жизни входящих в группу индивидов, с определенным уровнем группового самосознания. Выделяемые «группы», «страты», «локальные сообщества», «микросмосы общества» различаются между собой на основе нескольких измерений. В одном из обзоров исследований социальной стратификации и мобильности названо шесть таких измерений: престиж профессий, степень власти и могущества, уровень дохода и богатство, образование и уровень знаний, религиозная или ритуальная чистота и, наконец, ранжирование по родственным и этническим группам⁹. Следует сказать, что каждый из перечисленных факторов оказывает существенное влияние на формирование брачной структуры городских популяций и, следовательно, должен учитываться в разрабатываемой модели. В силу этого краткий комментарий к особенностям влияния некоторых из перечисленных «измерений» социальной стратификации представляется здесь уместным.

С нашей точки зрения, брачная структура в традиционных и современных городах может быть достаточно успешно описана в терминах социально-профессиональной структуры. Обнаруженная в социологических исследованиях первой половины XX в. профессиональная эндогамия является ведущим механизмом брачной стратификации, а ее эмпирические исследования находятся в резком несоответствии с постулируемой панмиксией бесструктурностью городских популяций. В обществах, где женщины слабо вовлечены в общественное производство, социально-профессиональная стратификация происходит на основе профессиональной принадлежности отца невесты. Число браков, заключаемых «внутри» определенного класса профессий и со «смежными» на социально-профессиональной шкале классами, резко превосходит количество браков, заключаемых между несмежными либо различными профессиональными классами. В исследованиях брачных структур это явление получило название социальной гомогамии. Объединение профессий в эндогамные классы может производиться на основе анализа матрицы типа «профессия мужа — профессия жены» либо «профессия мужа — профессия отца жены». Априорная социально-экологическая классификация, сформировавшаяся на основе предыдущих

социологических исследований (типа обычно используемой в англоязычной социологической литературе: крупный бизнес — интеллектуалы — мелкий бизнес — белые воротнички — квалифицированные рабочие — полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие), может существенно сократить число анализируемых классов, однако ее обоснованность всякий раз подвергается специальному рассмотрению. Более надежными нам представляются процедуры формализованного выделения структуры на основе машинного анализа исходной матрицы брачных обменов между представителями всех имеющих в городе профессий (различные варианты факторного, кластерного и нематричного теоретико-графового анализов). Разумеется, в отличие от такового постоянного, не меняющегося в течение жизни признака, как «место рождения», признак «профессиональная принадлежность» может многократно меняться в течение жизни индивида, что и порождает явление социальной мобильности. Однако уже отмеченный феномен социальной гомогамии (профессиональной эндогамии) свидетельствует о том, что, хотя эндогамные барьеры между социально-профессиональными группами, по всей видимости, не столь жесткие, как локальные изолирующие барьеры в сельских популяциях, все же их проницаемость не так велика, чтобы уничтожить брачную подразделенность. Таким образом, городской дем на основе дислокальных (и в этом аспекте бесструктурных) брачных обменов предстает как общность, конституирующаяся в определенных социально-профессиональных границах, хотя более размытых, чем эндогамные границы у сельского населения.

Размытость границ, являющаяся функцией социально-профессиональной гетерогамии (брачности между представителями различных социальных слоев и групп) и социальной мобильности, возникает в результате действия ряда механизмов. Ниже в связи с изложением результатов социально-психологических исследований населения городов мы остановимся на одном из главных механизмов этого ряда — иерархии референтных общностей. В рамках социологических исследований, точнее, в рамках так называемой американской школы «академической социологии» эта иерархия интерпретируется как система социальных ролей, каждая из которых обладает той или иной степенью привлекательности (престижем), связана с той или иной степенью авторитета и власти и с различными возможностями в отношении личных привилегий, уровня свободы, уровня дохода и т. д.

В индустриальных обществах известный уровень дифференциации структуры брачных предпочтений связан с образованием. Неодинаковый доступ к образованию и знанию у различных социальных слоев и групп (в нашей стране, например, различия качества школьного образования в городах и на селе; удельный вес детей неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих в вузах и ГПТУ) обуславливает известный уровень корреляции между социально-профессиональной и «образовательной» структурами брачных предпочтений. В литературе отмечается довольно высокий уровень брачной ассортативности у группы лиц с высшим образованием (тенденция к «образовательной гомогамии») и у группы лиц с начальным и неполным восьмилетним образованием.

На оформление границ (изолирующих междемных барьеров) брачных кругов в городах помимо перечисленных воздействует еще целый комплекс факторов. Уместно провести классификацию факторов, существенно влияющих на социально-профессиональную структуру (социальную мобильность), выделенных на основе анализа социологической и экономической литературы и эмпирических материалов, полученных в ходе исследования населения Ленинграда и городов Татарской АССР в 1974—1979 гг.¹⁰ В ней выделены 15 таких факторов, оказывающих заметное воздействие на социальные перемещения индивидов и, следовательно, определяющих динамику социально-профессиональной структуры: 1) образование и профессиональная подготовка; 2) харак-

тер труда и содержание труда; 3) условия труда; 4) профориентация (правильный выбор профессии); 5) заработная плата (включая различные доплаты, премии и пр.); 6) тип и отраслевая принадлежность предприятия, на котором работает индивид, социально-бытовые условия, связанные с этим предприятием; 7) региональные особенности места проживания; 8) территориальная мобильность индивида (участие в миграции); 9) социальное происхождение (социальный статус родителей); 10) социальный статус индивида; 11) семейное положение и тип семьи индивида; 12) пол; 13) возраст; 14) поколение, к которому относится индивид; 15) порядковый номер перемещения индивида. При этом авторы в качестве важнейших называют образовательный уровень индивида, а учебу — основным «каналом» социальной мобильности. Это эмпирическое обобщение хорошо согласуется с уже отмеченным феноменом «образовательной» гомогамии (брачной ассортативности по признаку «уровень образования»).

Развитая терминологическая система, описывающая пространственное поведение человека, в том числе и пространственную делимитацию брачного выбора, содержится в такой дисциплине, как социальная география. В числе важнейших для нашей темы категорий, развиваемых в рамках социально-географических исследований, следует выделить такие, как тип города, тип пространства и систему расселения. В примыкающих к социальной географии дисциплинах — экологии города и социальной экологии¹¹ — раскрывается еще одно важное понятие — городская среда, в последнее время дополненное понятием «региональная среда производства и жизнедеятельности»¹².

В научной литературе проблемам типологии городов посвящено огромное число работ. Появились целые группы типологий, которые в зависимости от принципов, положенных в их основу, принято называть типологиями городов по населению, экономико-функциональными, историко-генетическими, административно-иерархическими, динамическими и поликритериальными¹³. В последних исследователи пытаются учесть не только административный статус города и его функциональную специализацию, но и структуру занятости населения вместе с рядом характеристик демографической ситуации, поэтому они наиболее близки к тематике исследования подразделенности городских популяций. Разработка комплексной поликритериальной типологии, которая бы определяла тип города не только на основе его народохозяйственных функций, величины и районоорганизующей роли, но учитывала бы оценки демографического и социального воспроизводства населения, показатели экологии, архитектурно-планировочной структуры и инфраструктуры, позволит определить место и роль каждого конкретного города в данной системе расселения, а также его ранг на шкале социокультурного потенциала и место в системе социального воспроизводства. Это в свою очередь позволит решать проблему соотносительности выделенных в рамках такой системной классификации типов городов с особенностями их популяционных структур и составляющих их элементов — демов. Необходимо отметить, что первые попытки соотношения типа поселения и популяционной структуры уже осуществляются в рамках таких дисциплин, как популяционная и медицинская генетика, демографическая генетика* (микродемография) и этносоциология.

Ряд важнейших обобщений, разработанных в социальной географии, связан с типологией пространств. Она показывает, что географическая структура человеческого общества включает также различные принципы разобщения и сближения человеческих групп и сложную систему социальных расстояний, существенно влияющих на пространственное поведение человека. Помимо географов, исследующих пространственную компоненту поведения человека, она привлекла внимание социологов, антропологов, социальных психологов и этнографов. Известный социальный антрополог Э. Эванс-Причард в своей работе

* Термин Ю. Г. Рычкова.

«Нуэры» следующим образом характеризует отличительные особенности структурного расстояния: «Характер местности определяет размещение деревень и, следовательно, расстояние между деревнями, тогда как духовные категории, ставя преграды, определяют характер расселения в структурном плане и создают свой ряд расстояний»¹⁴. Он отмечает многозначность структурного расстояния как социальной категории, каждая из реализаций которой порождает собственное пространство — политические расстояния, родственные расстояния, расстояния между возрастными группами. Обнаружение пространств подобных типов легло в основу теории групп отсчета, позволяющей измерять различные реализации социальных расстояний между классами и слоями общества. По мнению специалиста в области социальной географии П. Клаваля, социальные расстояния, проявляющиеся в форме разобщений и сближений человеческих групп, различаются в сельской местности и в городах: «В сельских местностях рассеянность населения такова, что диапазон видов социальной деятельности сужается. Проблемы разъединения не столь остры. Город, наоборот, приводит к максимальному расширению взаимодействия между людьми и группами людей... География человека слишком долго изучала почти исключительно сельские проблемы и не смогла глубоко проанализировать явления разобщения. Понятий протяженности и расстояния достаточно, чтобы понять взаимоотношения сельского населения или вторичные виды деятельности промышленных стран. Урбанизированные же пространства не поддаются объяснению, если опираться только на эти факторы...»¹⁵ Эта мысль видного представителя теоретической географии лишний раз демонстрирует специфичность городской среды и порождает ее пространств, существенно влияющих на пространства брачных связей.

Перспективными с точки зрения пространственной детерминации систем брачного выбора (места знакомств) представляются разрабатываемые в географии пространственного поведения понятия точек тяготения внутри системы внутригородских перемещений населения, а также как арены жизни или пространства действий. В исследованиях городов СССР эти понятия были уточнены и стали применяться к группам населения, очерченным по признаку возраста, профессии, культурных запросов¹⁶. В выделяемых таким образом группах обнаружено наличие стереотипизированных контактов с точками тяготения в городе. Обнаружение социальных групп, однородных в отношении пространственного поведения, свидетельствует о подразделенности городской популяции в социокультурном плане и, по всей видимости, должно учитываться в исследованиях воспроизводства городских субкультур и социальных страт.

Тематика, связанная с изучением преемственности и воспроизводства субкультур, наиболее глубоко раскрывается в этнографических, этносоциологических и культурологических исследованиях городов. Для этносоциологии городского населения тема воспроизводства культуры, демографического и социального воспроизводства определенных общественных страт трансформируется в исследования особенностей воспроизводства этнокультурной специфики, этнических традиций этнодисперсных групп в среде многонационального города, анализ роли различных социальных институтов, процессов и явлений в социально-демографическом воспроизводстве этнических групп в городах. К наиболее важным понятиям, разрабатываемым в русле данной тематики, относятся такие, как территориальная общность, локальный этнокультурный стереотип, циркуляция этнокультурной информации, социокультурный потенциал, соционормативная культура, адаптация этнической культуры, типы референтных групп и некоторые другие¹⁷. В примыкающих к данной тематике этнолингвистических, социоллингвистических и ареалогических исследованиях городского населения также отражается подразделенность городского населения на ряд групп, однородных в социокультурном отношении, язык которых носит выраженную специфику по сравнению с литературной нормой и стандартизированным языком средств массовой информации (так называемые социолек-

ты, этнолекты, аргументы и т. п.). Весьма точным индикатором подразделенности могут служить антропометрические системы этих социальных групп, частотный профиль антропометрических характеристик конкретной группы, особенности функционирования личностных имен в речи и т. д. Таким образом, в перечисленных научных направлениях в среде городского населения выделяются демографически воспроизводящие себя группы, обладающие относительно выравненными социо-профессиональными, культурными, этническими и лингвистическими параметрами; именно эти группы мы и называем демами.

С позиций популяционной генетики дема остается элементарной самовоспроизводящейся общностью с единым генофондом, относительно изолированной от окружающих общностей того же ранга. Результаты обзора смежных дисциплин дополняют это определение рядом существенных характеристик.

1. Дема как социально-профессиональная общность характеризуется наличием системы брачных предпочтений, связываемых с ориентациями той или иной социально-профессиональной группы. Эмпирически структурная подразделенность населения может быть выявлена в результате построения интеракционной классификации взаимодействующих социально-профессиональных групп на основе анализа матриц брачных обменов, где элементы строк и столбцов матрицы — это количество браков между представителями отдельных профессий у мужчин и женщин.

Конкретными реализациями такого рода анализа могут служить различные методы теории распознавания образов — многочисленные версии кластерного и факторного анализа. Возникающие трудности при анализе матриц большой размерности могут разрешаться с помощью агрегирования в ходе предварительных социологических исследований социально-профессиональной мобильности либо эвристическими методами, связанными с исследованием популяционной подразделенности в типологически сходных, но менее сложных средах (население пригородов, крупных сел и т. д.).

Специальным аспектом исследования социально-профессиональной определенности городского дема является изучение межпоколенного воспроизводства социально-профессиональной структуры населения, а также формируемой в ходе этого воспроизводства системы брачных ориентаций и предпочтений, порождающих феномен социальной гомогамии.

2. Дема как носитель определенной субкультуры выполняет функцию воспроизводства и трансмиссии культуры, в том числе этнической, через систему социального контроля (соционормативная культура) за соблюдением образцов поведения, соответствующих распространенным в данной группе стереотипам и традициям. Вместе с тем дема, отражающий уровень мезоструктуры этноса, хотя и способен относительно самостоятельно воспроизводить совокупность традиций и норм (локальную субкультуру), однако вследствие ряда демографических процессов (уровня проницаемости междеменных барьеров, миграций, смертности) такое воспроизводство нередко носит суженный характер. В силу этого в качестве перспективного направления исследований следует рассматривать изучение междеменного взаимодействия, механизмов социальной демаркации демов, типологии демов в аспекте их ролей в процессе социокультурного и этнокультурного воспроизводства населения.

В рамках анализа дема как социокультурной целостности возможно описание подразделенности городского населения на элементарные единицы культурного воспроизводства, определение границ демов. В основу такого рода анализа кладутся эмпирически выявленные индикаторы (маркеры) локальных субкультур — определенные, специфические для той или иной субкультуры традиции, нормы общения, элементы костюма и интерьера жилища и т. п. Разработанный таким образом социокультурный профиль населения города (местный «репертуар» субкультур) кладется в основу атрибутивной классификации демов, т. е. классификации, базирующейся не на взаимодействии и обмене, как в случае анализа брачных обменов на матрице профессиональной принад-

лежности супругов, но на распределении признаков, где классификационная общность порождается не взаимодействием, а сходством. В анализе такого рода особую роль приобретают разрабатываемые в статистике процедуры оценки информативности признаков (теория поликритериального оценивания и др.). Выявляемые в ходе этого анализа ценностные ориентации и стереотипизированные формы поведения (в том числе демографического поведения) и связанные с ними установки представляют значительную ценность для практической реализации тех или иных программ в рамках региональной демографической политики.

3. Представление о деме как материальном носителе локальной субкультуры типологически сходно с развиваемым в социолингвистике представлением о лингвокультурной общности, являющейся носителем особого социолекта, или этнолекта. Изучение вариативности языка как присущего ему свойства в рамках ингерентной социолингвистики и исследование влияния социума и его структуры в адгерентной социолингвистике позволяют утверждать, что все языки «реально существуют и функционируют не как единообразные и однородные „глобальные“ системы, а в виде огромного числа и разнообразия регистров и подрегистров»¹⁸. Отражение социальной дифференциации в сфере коммуникации, наличие социальных, этнических, территориальных форм речи признается в лингвистике фактом и позволяет на основе анализа языковой действительности выделять те же самые элементарные общности, которые обнаруживаются при анализе культурной мозаичности городского населения. Как и в исследованиях культурной дифференциации, одной из существенных проблем остается выделение и оценка информативности дифференцирующих признаков в рамках регистра бытующих на данной территории вариантов речи (списка социолектов, профессиональных жаргонов, диалектов, этнолектов, говоров и т. п.).

Примечания

- ¹ Джеммер М. Понятие массы в классической и современной физике. М., 1967. С. 66; Кураев В. И., Лазарев Ф. В. Точность, истина и рост знания. М., 1988. С. 187—188.
- ² Северцов А. С. Введение в теорию эволюции. М., 1981. С. 61; в англо-американской научной литературе считается, что термин «дем» введен в 1939 г. Дж. Джилмуром и Дж. Грегором (ср.: Майр Э. Популяции, виды и эволюция. М., 1974. С. 96).
- ³ Яблоков А. В. Популяционная биология. М., 1987. С. 145.
- ⁴ Виртуальная популяция — группировка индивидов, характеризующаяся высокой вероятностью стать популяцией; виртуальное определение противопоставляется формальному.
- ⁵ Бунак В. В. Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980. С. 250.
- ⁶ Devor E. J., Crawford M. H., Koertvelyessy T. Marital Structure and Genetic Heterogeneity of Ramea Island, Newfoundland // Amer. J. Phys. Anthropol. 1983. № 4. P. 401—409.
- ⁷ Tolksdorf U. Essen and Trinken in Ost- und Westpreussen. Marburg, 1975. S. 317.
- ⁸ Ср.: Соколовский С. В. Брачные круги и эндогамные барьеры. К методике анализа брачной миграции // Сов. этнография. 1986. № 4. С. 87—99; его же. Популяционная структура алтайских менонитов по данным о брачной миграции // Вопр. антропологии. 1990. Вып. 84. С. 87—93.
- ⁹ Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 235—247.
- ¹⁰ Лукина В. И., Нехорошков С. Б. Динамика социальной структуры населения СССР. М., 1982. С. 27.
- ¹¹ Марков Ю. Г. Социальная экология. Новосибирск, 1986.
- ¹² Крупный социалистический город: Структурный аспект развития. Л., 1987.
- ¹³ Урбанизация и развитие городов в СССР. Л., 1985. С. 85.
- ¹⁴ Эванс-Причард Э. Э. Нуэры: Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М., 1985. С. 101.
- ¹⁵ Клаваль П. Пространство в географии человека // Новые идеи в географии. М., 1976. Т. 1. С. 243.
- ¹⁶ Медведков Ю. В. Человек и городская среда. М., 1978.
- ¹⁷ Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М., 1988.
- ¹⁸ Ахманова О. С., Данчикова И. А. Социолингвистика в свете эвристики онтологии языка // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981. С. 46. Здесь же подробное изложение понятий «адгерентная» и «ингерентная социолингвистика», различий в подходах, целях и задачах этих дисциплин. С. 46—56.